

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Б. С. КАГАНОВИЧ

НАЧАЛО ТРАГЕДИИ

*(Академия наук в 1920-е годы
по материалам архива С.Ф.Ольденбурга)*

Сергей Федорович Ольденбург (1863—1934) играл огромную роль в жизни Российской Академии наук на протяжении 30 с лишним лет. Востоковед-индолог по специальности, он был избран академиком в 1900 г., а в 1904 г. занял пост неперменного секретаря Академии и оставался им до октября 1929 г. Выходец из военной семьи немецкого происхождения, поселившейся в России в XVIII в., С.Ф.Ольденбург по своим убеждениям и характеру был типичным русским интеллигентом, либералом и демократом. После легализации политических партий в октябре 1905 г. Ольденбург, с молодых лет близкий к будущему ядру кадетской партии, стал ее членом и входил в состав ее ЦК. С 1912 г. С.Ф.Ольденбург был выборным членом Государственного Совета от Академии наук и российских университетов, с 1915 г. — членом Особого совещания по обороне государства. После Февральской революции Ольденбург вошел во Временный совет Российской республики и Чрезвычайную следственную комиссию, а с 25.VII по 3.IX. 1917 г. был министром народного просвещения и членом Временного правительства.

После Октября 1917 г. С.Ф.Ольденбург продолжал играть центральную роль в Академии, и именно на 1920-е гг. приходится апогей его деятельности и влияния. В это время он — неперменный секретарь Академии наук, председатель комиссии по академическим экспедициям, председатель издательской комиссии и редактор всех изданий Академии, председатель Тихоокеанского комитета, директор Азиатского музея, председатель Комиссии по изучению племенного состава населения России (КИПС), член Центрального бюро научных работников, депутат Ленсовета и проч. и проч. При престарелом президенте А.П.Карпинском Ольденбург фактически руководил всей деятельностью Академии наук и во многом определял ее политику. Понятен поэтому интерес, который представляет его личный архив¹ для истории Академии наук и русской науки и культуры в целом.

Важно понять, почему и как С.Ф.Ольденбург, кадет и классический русский интеллигент, пришел к сотрудничеству с большевиками (не касаемся здесь относящегося к личной биографии Ольденбурга вопроса, почему он, человек исключительно одаренный и образованный, почти полностью ушел в административную и организационную работу, далеко не выразив себя в науке). «Никто и никогда не распорядился бы так свою жизнь, как он», — сказал об Ольденбурге китаист академик В.М.Алексеев,² давший замечательную характеристику его как организатора и научного деятеля. Есть очень важный и интимный документ для понимания некоторых истоков послеоктябрьской эволюции С.Ф.Ольденбурга. Это его ранние письма к сыну, С.С.Ольденбургу (1888—1940), о котором здесь необходимо сказать несколько пояснительных слов.

¹Архив Российской Академии наук. Фонд 208 (далее обозначается сокращенно: Архив РАН, ф.208).

²Алексеев В.М. Наука о Востоке. М., 1982. С.46.

Борис Соломонович Каганович (род. в 1952 г.) — доцент Российского гуманитарного университета (б.Историко-архивный институт), кандидат исторических наук. Автор ряда журнальных публикаций. Живет в Москве.

Сергей Сергеевич родился в 1888 г., мать его, первая жена С.Ф., умерла, когда сыну было три года, воспитали его отец и бабушка. По свидетельству разных лиц (в том числе его дочери), С.С. часто производил впечатление нелепого чудака, хотя и был очень образованным человеком. К ужасу отца, с молодых лет он был убежденным монархистом и поклонником Столыпина, близким к партии октябристов. Учился он на юридическом факультете Московского университета, и отец постоянно переписывался с ним в эти годы. Вот некоторые цитаты.¹ 2.V.1910 г. С.Ф.Ольденбург писал сыну: «Ужасно, что эта травля «инородца» идет всюду — Кавказ, Польша, Поволжье, мусульмане, не говоря уже о евреях, — травят десятки миллионов людей, подчеркивая, что они не русские; бедные, они всячески стараются доказать, что они «русские» граждане. Горе России в тот день, когда они поддадутся провокаторской пропаганде «Союза русского народа». Для меня теперь это страшный кошмар, ибо тогда конец Великой России, а я еще верю в «Великую Россию», а не только в «Великороссию». Особенно значительно письмо от 30.VI.1911 г.: «Я тоже думаю, что при всякой демократии сохраняется аристократия ума и таланта, но мне как воздух нужно благополучие масс, нужно, чтобы и они жили жизнью и сознавали жизнь, а не только прозябали... Я знаю, что и так уже благополучие избранных тяжело покупается горем и печалью слабых, но я хочу с этим бороться, ибо считаю, что «культурные ценности», не только облитые, но пропитанные кровью «малых сих», не суть ценности». 28.II.1912 г.: «Думаю, что твое отношение к стачке упрямо близорукое... Толпа все-таки люди и хотят жить по-человечески, а не по-собачьи, и за это они будут бороться». Любопытно письмо от 5.VIII. 1912 г.: «Из массы государственных людей, с которыми пришлось иметь дело или разговор за последние годы, только Витте произвел на меня впечатление крупного человека».

Февральскую революцию 1917 г. С.Ф.Ольденбург встретил с энтузиазмом и активно поддерживал Временное правительство, будучи, как указывалось, некоторое время его членом. Совершенно иной, как и следовало ожидать, была его реакция на Октябрь. 18.XI.1917 г. Академия наук создала комиссию для выработки проекта специального обращения в составе академиков А.А.Шахматова, А.С.Лаппо-Данилевского, С.Ф.Ольденбурга, М.А.Дьяконова, Н.С.Курнакова и М.И.Ростовцева. 21.XI.1917 г. Общее собрание Академии приняло обращение, подготовленное этой кадетской по своему составу комиссией, в котором говорилось: «Великое несчастье постигло Россию: под гнетом насильников, захвативших власть, русский народ теряет сознание своей личности и своего достоинства» — и заявлялось о надеждах, возлагаемых учеными на Учредительное собрание.² Статьи и речи С.Ф.Ольденбурга 1918–1920 гг. содержат немало такого рода высказываний. Особенно выразительна в этом смысле статья С.Ф.Ольденбурга об А.И.Шингареве, кадетском министре Временного правительства, убитом в январе 1918 г., как официально сообщалось, матросами-анархистами.³ В сентябре 1919 г., во время массовых арестов интеллигенции, С.Ф.Ольденбург был арестован и просидел в Доме предварительного заключения около месяца,⁴ и это был не единственный его арест в те годы.

Реакция С.Ф.Ольденбурга на большевистский переворот была обычной реакцией русского интеллигента. Вместе с тем Ольденбург, обладавший, по словам В.М.Алексеева, «редким государственным умом»,⁵ вероятно, одним из первых в академической среде понял, что власть большевиков установилась «всерьез и надолго» и что Академия наук, если она хочет существовать, должна найти какой-то способ сосуществования с новой властью. Выросший в традициях русской демократической интеллигенции с ее пафосом служения народу, он мог к тому же считать ряд целей революции справедливыми, а негодными только методы их достижения. Интеллигентско-народническая закваска в Ольденбурге была довольно сильна. Так, 31.VII.1923 г. он писал жене из Лондона:⁶ «У меня глубокое расхождение с моими спутниками,⁷ которых подкупает обстановка, в которой живут, и которым потому все кажется, что всем живется хорошо и что я только «интеллигентски демократничаю» <...> Вообще обрат-

¹ Письма С.Ф.Ольденбурга к С.С.Ольденбургу цит. по «Хронологической канве для биографии С.Ф.Ольденбурга», составленной Е.Г.Ольденбург // Архив РАН, ф.208, оп.2, д.46. Оригиналы — Там же, оп.5, д.10–11.

² Архив РАН, ф.208, оп.2, д.47.

³ Ольденбург С.Ф. Андрей Иванович Шингарев // Вестник Европы. 1918. № 1–4. С.335–340.

⁴ См.: Два эпизода из жизни литературных организаций. Публикация Н.Крамера и Р.Баха // Минувшее. Вып.1. Париж, 1986. С.323–333.

⁵ Алексеев В.М. Наука о Востоке. С.50.

⁶ Цит. по «Хронологической канве» Е.Г.Ольденбург — Архив РАН, ф.208, оп.2, д.48.

⁷ Имеются в виду Ф.И.Щербатской и В.М.Алексеев.

ных сторон медали немало, и наши соотечественники, которые так любят бранить все наше и восторгаться чужим, забывают, что они здесь скользят обыкновенно по поверхности вещей, а дома видят все до конца». Таковы, в общих чертах, истоки «сотрудничества» С.Ф.Ольденбурга.

Здесь уместно внести коррективы в легенду о старых связях С.Ф.Ольденбурга с Лениным. Ольденбург в студенческие годы был знаком с братом Ленина Александром Ульяновым (они вместе входили в Студенческое научно-литературное общество), а впоследствии в качестве члена Комитета Бестужевских курсов немного знал его рано умершую сестру Ольгу. Когда в 1891 г. Ленин приехал в Петербург, он нанес визит Ольденбургу и расспрашивал его о брате и сестре.¹ Этим их знакомство исчерпывалось. Через 26 лет, 9.XI.1917 г., Ольденбург в составе делегации, протестовавшей против ареста министров Временного правительства, посетил Ленина в Смольном. В.Д.Бонч-Бруевич много лет спустя писал о двух встречах Ольденбурга с Лениным в начале 1918 г. и приводил восторженные слова, якобы произнесенные Ольденбургом после второй встречи: «Это удивительно!.. Это <...> пророк величайшей силы!.. Он призван «глаголом жець сердца людей»! Я очень смущен!.. Я так рад, что его видел, что с ним говорил».² Слова эти до недавнего времени часто цитировались как свидетельство раннего «обращения» С.Ф.Ольденбурга, хотя никаких документальных подтверждений этих встреч не существует³ и сам Ольденбург о них никогда не упоминал. Безусловно апокрифическими следует признать слова, вложенные Бонч-Бруевичем в уста Ольденбурга (они выражены, кстати сказать, в несвойственном ему, человеку со вкусом, сентиментальном тоне). Никакой любви к большевикам, по крайней мере в то время, у С.Ф.Ольденбурга не было, было принятие неизбежного и стремление спасти Академию наук и научное дело в России. 5.VIII.1919 г. Ольденбург писал в Москву академику П.П.Лазареву: «На Академию из Москвы, говорят, надвигается черная туча. Артемьев и Тер-Оганесов имеют какие-то планы полного уничтожения в простом декретном порядке... Поговорите с Красиным, пусть он поговорит с Лениным, тот человек умный и поймет, что уничтожение Академии наук опозорит любую власть».⁴ Согласно воспоминаниям А.В.Луначарского, Ленин сказал тогда А.И.Рыкову. «Не надо давать некоторым коммунистам-фанатикам съесть Академию».⁵ Во главе этих «фанатиков» стоял заместитель наркома просвещения марксистский историк М.Н.Покровский,⁶ на что стоит обратить внимание ввиду его последующей роли в разгроме Академии наук в 1930-1931 гг.

Единственная достоверная встреча Ольденбурга с Лениным, помимо давней встречи 1891 г., состоялась 27.I.1921 г. Ей предшествовало Общее собрание Академии 6.XI.1920 г., на котором Ольденбург предложил обратиться в правительство с запиской, описывающей катастрофическое положение науки в России и указывающей меры, необходимые для ее спасения. Записка в сдержанных, но очень веских выражениях была составлена и представлена в Совнарком,⁷ после чего Ленин в присутствии М.Горького принял С.Ф.Ольденбурга, вице-президента Академии наук В.А.Стеклова и начальника Военно-медицинской академии В.Н.Тонкова. В результате этой встречи Ленин удовлетворил ряд требований, изложенных в записке, в частности, распорядился немедленно вернуть Академии здание Библиотеки, занятое с 1914 г. военным госпиталем. «„Я лично, — заключил В.И. беседу, — глубоко интересуюсь наукой и придаю ей громадное значение. Когда вам что-нибудь нужно будет, обращайтесь прямо ко мне”». Это обещание он сдержал много раз», — вспоминал позднее С.Ф.Ольденбург.⁸ Любопытна интерпретация этого события в дневнике московского историка Ю.В.Готье, записавшего 21.IV.1921 г.: «Рассказывают о каких-то попытках М.Горького сосводничать профессоров с Лениным, чтобы улучшить быт и положение профессуры и свалить Покровского».⁹

¹ См.: Ольденбург С.Ф. Несколько воспоминаний об А.И. и В.И.Ульяновых // Красная летопись. 1924. № 2. С. 17-18.

² Ленин и Академия наук. М., 1969. С.25.

³ Там же. С.26.

⁴ Там же. С.61.

⁵ Луначарский А.В. К 200-летию Всесоюзной Академии наук // Новый мир. 1925. № 10. С. 110.

⁶ Ленин и Академия наук. С.62.

⁷ См. ее основные положения в изд.: Российская Академия наук в 1920 г. Речь неперменного секретаря академика С.Ф.Ольденбурга. Читана в торжественном заседании 29.XII.1920 г. Пг., 1921. С.11.

⁸ Ольденбург С.Ф. Ленин и наука//Научный работник. 1926. № 1. С.51.

⁹ Готье Ю.В. Мои заметки//Вопросы истории. 1993. № 3. С. 163.

Именно эта встреча, по-видимому, окончательно определила стратегию С.Ф.Ольденбурга в качестве руководителя Академии наук. Суть ее, как кажется, можно сформулировать следующим образом: лояльность к советской власти и участие в ряде ее экономических и культурных программ с сохранением автономии и внутренней независимости Академии. Курс этот, поддержанный Стекловым, Ольденбург мог проводить с известным успехом до 1928—1929 гг. Он вызывал оппозицию с двух сторон. Так, индолог академик Ф.И.Щербатской писал Ольденбургу из Берлина 17.V.1921 г.: «Н.Я. (Марр. — Б.К.) расскажет Вам о многом, с чем приходится здесь считаться при наших обстоятельствах, и прежде всего о злостной агитации М.И.Р-ва,¹ который считает нас и в особенности Вас агентами III Интернационала, потерявшими честь прислужниками деспотизма и т.д., и т.д.»² Большевики, со своей стороны, решив сохранить Академию, стремились к установлению полного контроля над ней и, в лучшем случае, готовы были терпеть ее автономию лишь временно — как это выяснилось с полной несомненностью в конце 20-х гг. Но до этого времени Академия наук была, вероятно, самым автономным и независимым учреждением в Советском Союзе, полностью определявшим, в частности, свою кадровую политику.

Здесь следует сказать еще об одном немаловажном для С.Ф.Ольденбурга личном моменте. Его сын С.С.Ольденбург в 1918 г. уехал в Крым, где примкнул к белому движению. Когда белые эвакуировались, он лежал в госпитале больной тифом и не мог уехать с ними. С подложными документами он в 1920 г. пересек Россию, добрался до Петербурга и при помощи отца, нашедшего ему проводника, нелегально перешел финскую границу.³ В эмиграции С.С.Ольденбург был политическим единомышленником П.Б.Струве, сотрудником «Русской мысли», «Возрождения» и других его изданий, поклонником ультраправого французского писателя Ш.Моррасса. По поручению Высшего монархического совета он писал историю царствования Николая II.⁴ Встретившись с сыном в Берлине, С.Ф.Ольденбург писал 1.VII.1923 г. жене: «Тяжелы мне и очень глубокие, непримиримые разногласия с Сережей: столкнулись два мировоззрения и у двух людей, упорно держащихся каждый своего, верящих в него... Чувствую, что Сережа меня любит; но ему глубоко чуждо то, чем я живу, а мне то, во что он верит, кажется таким ветхим и ненужным».⁵ Жена Сергея Сергеевича Ада Дмитриевна с двумя дочерьми в 1925 г. при помощи Сергея Федоровича уехала к мужу в Париж. Там у них родилось еще трое детей, они очень нуждались, и С.Ф., по крайней мере до 1930 г., помогал им материально, посылая деньги в Париж.

В феврале 1923 г. после 32 лет вдовства С.Ф.Ольденбург женился вторым браком на Елене Григорьевне Головачевой, урожденной Клеменц (1875-1955). Поскольку в дальнейшем она будет постоянно фигурировать в этой статье, необходимо сказать о ней здесь несколько подробнее. Е.Г.Клеменц была дочерью юриста, мирового судьи из Самарской губернии, и племянницей известного народовольца Д.А.Клеменца, который во время сибирской ссылки стал этнографом и археологом и по возвращении в Петербург работал в Музее антропологии и этнографии, а затем организовывал этнографический отдел Русского музея. Елена Григорьевна училась на Бестужевских курсах и познакомилась с С.Ф.Ольденбургом в 1898 г. в доме своего дяди. Позднее она вышла замуж за политического ссыльного статистика Д.М.Головачева и много лет работала учительницей в Сибири. В конце 1922 г. она приехала в Петроград, и вскоре был оформлен ее брак с С.Ф.Ольденбургом. Елена Григорьевна была энергичной и практичной женщиной,⁶ и некоторые родственники и друзья Ольденбурга имели к ней претензии.⁷ Не вдаваясь в эти вопросы, скажем о главном деле ее жизни.

С 1924 г. Елена Григорьевна вела дневник, в котором каждый день записывала, глав-

¹ М.И.Ростовцев (1872—1952) — историк античности, академик с 1917 г., в 1918 г. эмигрировал.

² Архив РАН, ф.208, оп.3, д.685, л.61.

³ См. рассказ об этом дочери С.С.Ольденбурга, ставшей довольно известной французской писательницей: Oldenbourg Z. Visages d'un autoportrait. Paris, 1977. P.267—268.

⁴ Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. Т. 1-2. Белград; Мюнхен, 1939-1949. Переизд.: Спб., 1991.

⁵ Архив РАН, ф.208, оп.5, д.15, л.23.

⁶ Спустя много лет, овдовев и потеряв сына на фронте, Е.Г.Ольденбург в 1942 г. оказалась с невесткой и внуком в эвакуации в Саратовской области. Здесь она была главной опорой семьи, работала в совхозном поле, а затем в школе, добила помощи от Академии наук и реэвакуации. Е.Г.Ольденбург умерла в 1955 г. в Ленинграде и похоронена на Волковом кладбище рядом с С.Ф.Ольденбургом.

⁷ См.: Oldenbourg Z. Op. cit. P. 176—187.

ным образом со слов мужа, важнейшие события. В архиве сохранились ежедневные записи Е.Г.Ольденбург на листках перекидного календаря за 1928-1934 гг.¹

На основе этих дневниковых записей, дополняя и редактируя их и устраняя моменты чисто личного характера, Елена Григорьевна еще при жизни мужа составила «Записки о работе С.Ф.Ольденбурга в качестве неперменного секретаря Академии наук в 1925-1928 гг.» и «в 1928-1929 гг.».² Уже после смерти мужа она составила «Хронологическую канву для биографии академика С.Ф.Ольденбурга», охватывающую всю его жизнь.³ Все эти дневники и записки представляют исключительную ценность для истории Академии наук, русской науки и общества первой трети XX в., поскольку в них запечатлены со слов С.Ф.Ольденбурга многие события и разговоры, не зафиксированные в каких-либо официальных документах. Не останавливаемся здесь на довольно сложных вопросах текстологического характера, о соотношении редакций и т.д., которые должны стать предметом специального исследования. Скажем только, что судьба этих дневников не лишена драматических моментов; не исключено, что в 30-е гг., попав в государственное учреждение, они побывали в руках НКВД и потом были возвращены автору (возможно, не все: в архиве отсутствуют записи на календаре 1924-1927 и 1931 гг.).

Дальнейшее изложение в значительной мере основано на дневниках и записках Е.Г.Ольденбург,⁴ дополненных, конечно, другими материалами и снабженных необходимыми пояснениями. Напомним, что Академия наук в 20-е гг. — это сравнительно небольшой круг лиц: действительных членов по уставу — 45, общее число сотрудников — немногим более 1000 человек, которые в значительной части живут и работают рядом друг с другом и в каком-то смысле составляют одну «академическую семью». Президентом Академии наук с весны 1917 г. являлся престарелый геолог А.П.Карпинский (1846-1936), благородный и гуманный человек; вице-президентом с 1919 г. до своей смерти — математик В.А.Стеклов (1863-1926), вторая сильная личность в Академии наряду с Ольденбургом. Ближайшие помощники Ольденбурга — управляющий делами Академии наук Д.Н.Халтурин, до революции служивший в одном из министерств, и заведующий канцелярией Конференции Б.Н.Молас, культурный и светский человек, имевший в старые времена придворный чин камер-юнкера.

16.IV.1928 г., незадолго до больших перемен в жизни Академии, Е.Г.записала: «Собственно все академические дела вершили С.Ф., Стеклов, Халтурин и в гораздо меньшей степени Ферсман⁵ и еще меньше Александр Петрович Карпинский».⁶ Реальную роль Карпинского иллюстрирует его записка к Ольденбургу от 2.XI.1926 г.: «Я теперь часто забываю о том, что необходимо помнить... Напишите на листочке то, о чем Вы просили переговорить с И.П.Павловым. Несмотря на то, что я переспросил Вас, никак не могу теперь вспомнить».⁷

11.V.1925 г. Е.Г.Ольденбург записала: «Вчера днем у С[ергея] был А.Е.Ферсман, который получил от Главпрофобра предложение занять пост ректора Петербургского ун-та вместо Державина».⁸

А.Е. приходил за советом... С., любя А.Е., не советовал ему брать этот пост, потому что он окончательно себя погубит, а университет уже не спасет. С. говорил мне, что самое лучшее, если за это дело возьмется Марр,⁹ он, во-первых, хочет этого, во-вторых, Марр так себя поставил, что все смотрят на него как на чудака и оригинала, а потому, что бы он ни выкинул с университетом — все ему простится и никто его за это ругать не будет».¹⁰

Вот подлинное письмо С.Ф.Ольденбурга к А.Е.Ферсману от 10.V.1925 г.:

¹ Архив РАН, ф.208, оп.2, д.62.

² Там же, д.56—57.

³ Там же, д.44—54.

⁴ Благодарю М.А.Сидорова за содействие в ознакомлении с материалами Е.Г.Ольденбург.

⁵ А.Е.Ферсман (1883—1945)—минералог и геохимик, в 20-е гг. был академиком-секретарем Отделения физико-математических наук.

⁶ Архив РАН, ф.208, оп.2, д.61, л.323.

⁷ Там же, оп.3, д.256, л.25.

⁸ Славист Н.С.Державин (1877—1953) в 1922-1926 гг. был первым красным ректором Петроградского университета. Ему посвящена эпиграмма Л.Я.Гинзбург:

Где стол был яств — там гроб стоит,
А на гробу сидит Державин.

(намек на оду поэта Державина «На смерть князя Мещерского», начинающуюся словами «Где стол был яств — там гроб стоит»).

⁹ Н.Я.Марр (1864—1934) — археолог и филолог-кавказовед, академик с 1909 г.

¹⁰ Архив РАН, ф.208, оп.2, д.61, л.232—233.

«Дорогой Александр Евгеньевич,

Академия не может согласиться на то, чтобы Вы взяли ректорство. Я вправе это сказать от имени президиума официально. Лично скажу, любя Вас: не губите себя, Вы ничего не сделаете для Университета и погибнете ни за что ни про что...

Искренно Вас любящий Сергей Ольденбург».¹

В 1925 г. торжественно отмечалось 200-летие Академии наук, и дневник Е.Г.Ольденбург сохранил некоторые колоритные бытовые черточки. 27.VIII.1925 г. Е.Г.записывает: «Решено дать всем академикам половину их содержания, как и остальным служащим Академии, затем в распоряжении правления оставить определенную сумму, из которой будут погашаться счета академиков из ресторанов, когда надо будет угостить иностранного ученого. Причем сразу решили, что аппетиты таких лиц, как Щербатской и Лазарев, сразу надо сократить. Все младшие служащие получат готовые костюмы к юбилею».² 1.IX.1925 г.: «Вечером я была у Евг.Ал.Карпинской,³ советовалась с ней относительно того, когда нужны перчатки, когда нет, когда нужна шляпа. Она сшила себе три платья к юбилею, кружевное, шелковое и шерстяное. Я не могу тягаться с нею, у меня всего одно платье, правда, перчатки будут и будет новая шляпа. Как жаль, что из дам попадают только жены академиков, ужасно обидно, у нас столько молодых женщин, которые желали бы попасть».⁴

История и быт в дневниках Е.Г.Ольденбург неразрывно сплетаются. История, можно сказать, прорастает сквозь быт. И не только потому, что речь идет о быте людей, принадлежащих истории, но и потому, что сам тот быт уже стал историей. Вот несколько примеров. 16.V.1926 г.: «Вечером вчера Халтурин сказал мне, что звонили из Москвы и Сергей выезжает... Я поехала на нашей академической лошади, причем кучер Юсуп пришел спросить меня, знаю ли я, что вместе с С.Ф. приезжает из Москвы Ферсман. Оказывается, он боится, что мы втроем не сможем уместиться в академическом экипаже и возьмем с вокзала автомобиль и что он уедет один, т.е. он не получит на чай, т.к. и Сергей и Стеклов всегда дают ему три рубля». Запись несколько более позднего времени: «1928 г. 7 января. Суббота. Сегодня по-старому Рождество. Конечно, никто не празднует, и в Академии и в Эрмитаже все работают, но надо сделать исключение: вчера все дворники мылись в академической ванне и делали закупки к празднику, а в Эрмитаже также большинство технического персонала празднует сегодня... На улицах много пьяных».

30.V.1926 г. в Крыму умер вице-президент академик В.А.Стеклов, ближайший коллега Ольденбурга по управлению Академией. С.Ф.Ольденбург тяжело пережил его смерть и посвятил Стеклову две прочувствованные речи, в которых вспоминал совместную работу. Работали они дружно и в основных вопросах академической политики являлись единомышленниками, хотя были очень разными людьми. Стеклов, крутой и грубоватый человек, был естественник с радикально-нигилистической заправкой и презирал кадетов за интеллигентскую мягкотелость.⁵ Встав на путь «сотрудничества», он умел неплохо разговаривать с советским руководством и приобрел у него авторитет. Вероятно, здесь играло роль и то, что Стеклов не принадлежал к привилегированным сословиям старой России (он был племянником Добролюбова) и не имел такого политического прошлого, как Ольденбург.

Теперь встал вопрос о новом вице-президенте. 6.VI.1926 г. Е.Г.Ольденбург записала: «Сегодня был у меня Ферсман... А.Е. указывал на то, что теперь намечается две кандидатуры на пост вице-президента, Крылова и Платонова. По его мнению, первый более подходящий по его влиянию в Москве. Если Крылову дать 600 рублей жалованья, хорошую квартиру, лошадь, автомобиль и 4 месяца поездки за границу, то его аппетиты будут удовлетворены и, может быть, он согласится».⁶ 7.VI.1926 г.: «Сергей сказал, что если выберут в вице-президенты Платонова, то он 24 часов не останется непременным секретарем».⁷ С известным русским историком Сергеем Федоровичем Платоновым у С.Ф.Ольденбурга были прохладные отношения с дореволюционных времен, когда кадет Ольденбург и лояльный режиму монархист Платонов находились

¹ Там же, ф.544, оп.8, д.352. л.14.

² Там же, ф.208, оп.2, д.61.

³ Е.А.Карпинская-Голмачева (1874—1962) — дочь и помощница А.П.Карпинского.

⁴ Архив РАН, ф.208, оп.2, д.61.

⁵ Там же, л.265.

⁶ Там же, л.303.

⁷ См.: Стеклов В.А. Воспоминания. Публикация В.С.Соболева//Научное наследство. Л., 1991. Т.17. С.235-299.

⁸ Архив РАН. ф.208, оп.2, д.61, л.270.

⁹ Там же, л.272.

в разных политических лагерях. Консервативно настроенный историк и палеограф Н.П.Лихачев писал 5.VIII.1922 г. в Москву академику А.И.Соболевскому, имея в виду Платонова и Ольденбурга: «В Академии наук продолжается диктатура секретариата, и, по-видимому, даже Сергей Федорович № 2 не в состоянии ограничить Сергея Федоровича № 1».¹

20.VI.1926 г. С.Ф.Ольденбург обратился из Берлина с письмом к академику Алексею Николаевичу Крылову (1863-1945), знаменитому математику, механику и кораблестроителю, числившемуся с 1921 г. в заграничной командировке, с просьбой дать согласие на выдвижение его кандидатуры в вице-президенты Академии наук.² Письмо было выдержано в дружеском и сердечном тоне и апеллировало к академическому патриотизму Крылова: «Наше дело большое, несли мы его с покойным в самые тяжелые и трудные годы, частью, повторяю, нес его я один. Трудное время не прошло. Не отказывайте в Вашей помощи. Академия не может не быть Вам дорога. Без Вас нам не обойтись». Наряду с этим в соответствии с приведенными выше соображениями А.Е.Ферсмана Ольденбург писал: «Учитывая важность для Вас располагать каждый год известным временем для работы за границей, я переговорил с членами правительства (А.И.Рыковым и А.С.Енукидзе, председателем Комиссии по содействию Академии) и получил от них обещание содействовать тому, чтобы Вам каждый год была предоставляема четырехмесячная командировка. Мы Вам обеспечим квартиру в академическом доме и добавочное вознаграждение». Крылов, славившийся своим житейским умом и острым языком, ответил бешеным письмом, в котором наотрез отказывался от предложения, ссылаясь прежде всего на то, что в Академии не ценят его технических работ. «Изучать паразита в заднем проходе таракана, — писал он, — это наука, а изучать имевшие место неправильности конструкции дейдвудных труб корабля — это техника... Но от паразита только чешется у таракана, а я не пожелал бы ни Вам, ни сочленам быть даже пассажирами на пароходе, у которого в океане от недостатков в дейдвудной трубе произошла поломка среднего вала и машина разбилась вдребезги». Крылов говорил также о своей неспособности к административной работе и отрицательном отношении к некоторым новым академическим учреждениям. Особое негодование А.Н.Крылова вызвали переговоры Ольденбурга с советским руководством. «Если бы Вы в переговорах с членами правительства ограничились обсуждением об обеспечении должности вице-президента Академии наук определенными условиями и привилегиями, с нею связанными, то я ничего бы не возражал, но, судя по Вашему письму, Вы обсуждали персональную мою кандидатуру; и здесь я не мог бы претендовать, если бы, проявляя шепетильную корректность, Вы спросили бы главу правительства, не возражает ли он против моей кандидатуры, но и только. Выговаривая же персональные привилегии, Вы поставили меня в ложное положение. В самом деле, подумали ли Вы о том, что, желая меня заманить персональными привилегиями, Вы даете повод истолковать это, например, так... «Крылов-то всегда говорит и говорил, что для административных должностей не годен, а как помахал перед носом открытым бумажником, так на все готов...» Надеюсь, А.И.Рыкову мне писать не придется и Вы сами исправите сделанную Вами ошибку».

Оказавшийся в неловком положении С.Ф.Ольденбург отвечал 2.VII.1926 г. с достоинством: «Мы от Вас этих слов не заслужили» — и, подчеркивая, что Академия и он лично высоко ценят научную и техническую деятельность А.Н.Крылова, замечал: «И тут мне Ваш биологический пример не представляется убедительным. Ведь этот самый заднепроходный тараканий паразит может получить отношение и к человеку. Ведь Вы, конечно, знаете о борьбе с разными вредителями при помощи их паразитов, а это жизненная борьба с бичами человечества, распространителями заразы, от которых гибнет во много раз больше людей, чем при пароходных катастрофах». Ольденбург добавлял: «С А.И.Рыковым и А.С.Енукидзе я говорил исключительно о возможности ежегодных отлучек за границу, потому что без согласия высшего правительства это было бы невозможно. Вопросов о квартире и содержании я, разумеется, и не касался с ними, потому что это наше внутреннее дело». После этой перепишки вопрос о вице-президентстве А.Н.Крылова более не поднимался.

4.VII.1926 г. Е.Г.Ольденбург записала: «Был академик Ипатьев. Он не прочь в вице-президенты, дает это понять».³ В.Н.Ипатьев (1867-1952) — известный химик, до революции председатель Химического комитета при Главном артиллерийском управлении, в генеральском чине, с 1921 г. был членом президиума Госплана и яв-

¹ ЦГАЛИ, ф.449, оп.1, д.230, л.3.

² Письма опубликованы В.Я.Френкелем с неизбежным в то время выпущением имени А.И.Рыкова, восстановленным нами по рукописям. См.: Переписка А.Н.Крылова с неперменным секретарем АН СССР акад.С.Ф.Ольденбургом// Вопросы истории естествознания и техники. 1982. № 1. С.97-103.

³ Архив РАН, ф.208, оп.2, д.49 («Хронологическая канва...»).

лялся одним из наиболее тесно связанных с советской властью академиков. Ольденбург, однако, предпочел А.Е.Ферсмана, который и был избран вице-президентом на Общем собрании 15.I.1927 г. Однако избрание это не было утверждено властями. 2.VI.1927 г. Е.Г. записала: «Не утвержден Ферсман, который был этим так огорчен, что у него сделался нервный припадок и он слег... Сгоряча он говорил, что бросит Россию и уедет». 17.X.1927 г.: «Оказывается, одна из главных вин Ал. Евг., что он в университете в группе т.н. правых профессоров». Ольденбург, однако, не прекращал попыток добиться утверждения Ферсмана, который исполнял обязанности вице-президента. Тянулась эта история более двух лет, до осени 1929 г. За это время у Ольденбурга появились некоторые сомнения относительно пригодности Ферсмана к этой должности: в разговорах с женой он отмечал его блестящие хозяйственные и распорядительные способности, но считал его недостаточно тактичным и чересчур самолюбивым и непоседливым. 9.III.1929 г. Е.Г. записала: «Ему (С.Ф.Ольденбургу. — Б.К.) больно, что этот человек, которого он почти создал, провел в академии, все время так помогал, выдвигал, обладает такой ужасной чертой не верить никому, всех подозревать... Сергей стал мне возражать, что я не знаю, на что способен в порыве мелкого самолюбия этот талантливейший человек».

Не лишено интереса и последующее развитие событий. В 1930 г. правительственный кандидат в вице-президенты 1926 г. В.Н.Ипатьев уехал в заграничную командировку, из которой в СССР не вернулся. В декабре 1936 г. «академики-невозвращенцы» В.Н.Ипатьев и А.Е.Чичибабин были исключены из состава действительных членов АН СССР, причем проект резолюции об исключении огласил А.Е.Ферсман.⁴ Легко представить себе, что при ином повороте событий академики Ферсман и Ипатьев могли поменяться местами.

По мере ужесточения режима во второй половине 20-х гг. С.Ф.Ольденбургу все чаще приходилось хлопотать за арестованных и преследуемых. 15.IV.1927 г. Е.Г.Ольденбург записала: «Утром в 8 час., чтобы застать С.Ф. дома и не занятым, к нему пришел его прежний старый друг Иван.Мих.Гревс с женою, оба очень встревоженные, прося С.Ф. помочь им, т.к. Гревса вызывают в ГПУ».⁵ 16.IV.1927 г.: «Суббота. С.Ф. уехал к Мессингу⁶ говорить о деле Гревса». 18.IV.1927 г.: «Понедельник. Утром С.Ф. был у Мессинга, дело Гревса закончилось благополучно». И.М.Гревс (1860-1941) — профессор истории средних веков Петербургского университета, близкий друг С.Ф.Ольденбурга со студенческих лет, член «Приютинского братства». Гревс также был старым кадетом и, в отличие от Ольденбурга, религиозным человеком.⁷

15.V.1927 г. в «Ленинградской правде» появилась статья М.Горина «Академический ковчег», обличавшая Академию как прибежище «бывших людей». Упоминался, в частности, и «камер-юнкер Б.Н.Молас». Статья была полна искажений и передержек, и Ольденбург ответил письмом в редакцию, которое, хотя и в сокращенном и притупленном виде, было напечатано 9.VI. Арестованные в ночь с 14 на 15.VI. Д.Н.Халтурин и Б.Н.Молас были освобождены на следующий день после двух телеграмм Ольденбурга в Москву.

В октябре—ноябре 1927 г. академическое руководство было взволновано историей с несостоявшейся заграничной поездкой академика И.Ю.Крачковского. Знаменитый русский арабист был приглашен прочитать лекции в Упсальском университете в Швеции, но ленинградское ОГПУ тянуло с выдачей заграничного паспорта. Основные хлопоты взял на себя непременный секретарь. 25.X.1927 г. Е.Г.Ольденбург записала: «После того, как Сергей послал письмо Мессингу, которое осталось без ответа, он видел лично Енукидзе и говорил с ним по этому делу. Енукидзе сказал, что паспорт не дают Крачковскому потому, что боятся, что Крачковский не вернется обратно в Россию. На это Сергей сказал, что Крачковский лояльный человек и что он ручается за лояльность Крачковского перед правительством. Тогда Енукидзе сказал, что он устроит дело».⁸ Дело, однако, не продвинулось. В письме к Енукидзе Ольденбург заявил, что если академику Крачковскому не будет выдан паспорт, то сам подаст в от-

¹ Там же, д.61, л.280.

² Там же, л.289-290.

³ Там же, д.57, л. 194-195.

⁴ Кузнецов В.И., Максименко А.М. Владимир Николаевич Ипатьев. М., 1992. С.85-86.

⁵ Эта и две последующие записи цит. по «Хронологической канве...» — Архив РАН, ф.208, оп.2, д.49.

⁶ С.А.Мессинг — начальник ленинградского ОГПУ до 1929 г.

⁷ См. об этом, в частности, в нашей публикации «Люди и судьбы»//Звезда. 1992. № 5-6.

⁸ Архив РАН, ф.208, оп.2, д.61, л.292.

ставку с поста неперменного секретаря, считая это выражением недоверия к нему правительства. В 1922 г. И.Ю.Крачковский просидел полгода в тюрьме по нелепому обвинению, и, вероятно, «сомнения» ГПУ были связаны с этим обстоятельством. В конце концов паспорт И.Ю.Крачковскому был выдан, но жена его заграничного паспорта не получила. «Крачковский наотрез отказался от поездки, самолюбие его задето, он не хочет ехать точно собака на привязи».¹ В итоге И.Ю.Крачковский подал в отставку с поста академика-секретаря Отделения гуманитарных наук, С.Ф.Ольденбург — с должности неперменного секретаря. Однако после многих уговоров (в том числе А.П.Карпинского, В.И.Вернадского, А.Н.Крылова, А.Ф.Иоффе, указывавших, что без него Академия развалится) и соответствующего решения Общего собрания Ольденбург взял назад свое заявление об отставке.

В ходе волнений, связанных с этим делом, Е.Г.Ольденбург записала 13.XI.1927 г.: «Я сказала, что считаю работу С.Ф. громадной, что он не только спас Академию наук от такого разгрома, которому подвергся университет, но что за эти трудные 10 лет он поставил Академию наук на такую высоту, которой ранее Академия не занимала. Академия наук удержалась не только как научный центр, чем она была и ранее, но она стала крупным и, можно сказать, единственным центром умственной и культурной жизни СССР, около которой сосредоточивается лучшая часть интеллигенции новой России».²

Несколько любопытных записей относятся к академику А.Н.Крылову. 13.XI.1927 г. Е.Г. записала: «На днях вернулся из-за границы Крылов. Он приехал всего на один месяц. По ходу его дел, как он говорит, ему теперь месяца через три надо будет переезжать сюда и только изредка наезжать в Париж».³ Через месяц с небольшим, 14.XII.1927 г.: «В Москве С.Ф. встретил Крылова, который не мог еще получить разрешения от ГПУ... Против выезда Крылова из России сам А.И.Рыков».⁴ Несколько иной и неожиданный поворот этого дела обнаруживается в записи от 7.I.1928 г.: «А.Н.Крылов остался здесь, ему нельзя ехать по личным ему удобствам. У него какие-то политические осложнения с Францией, перед отъездом у него был обыск французскими агентами, и, хотя ничего не было найдено, но сейчас в видах его личной безопасности правительство решило его пока задержать».⁵ Больше А.Н.Крылов за границу не выезжал. В своих известных «Воспоминаниях» он сообщает, что в 1921-1927 гг. он находился в длительной заграничной командировке, следя за постройкой и покупкой кораблей, изготовлявшихся по заказам СССР.⁶

1928 год в жизни Академии наук предварял «решающий перелом» 1929-1931 гг. Согласно новому уставу Академии, утвержденному Совнаркомом летом 1927 г., число кафедр, занимаемых действительными членами, увеличивалось с 45 до 70 (вскоре это число было увеличено до 85). Право выдвижения в академики получали научные и общественные организации, хотя процедура выборов оставалась прежней: для избрания надо было получить 2/3 голосов академиков. Предстояло избрание 42 новых академиков. Весь 1928 г. прошел под знаком предстоящих выборов, во время которых власти рассчитывали добиться проведения своих кандидатов и таким образом «советизировать» Академию.⁷

2.IV.1928 г. Е.Г.Ольденбург записала: «У С.Ф. была беседа с глазу на глаз с Н.П.Горбуновым».⁸ В этой беседе Горбунов поставил вопрос, что Москва желает видеть выбранными Н.И.Бухарина, Покровского, Рязанова, Кржижановского (председателя Госплана), Баха и др. С.Ф. не делал возражений, т.к. вопрос будет рассматриваться далее в Академии наук. Далее Н.П. сказал, что Москва желает видеть на месте Д.Н.Халтурина коммуниста... Он сказал, что они желали бы видеть на месте Моласа также партийного, но пока у них нет подходящего лица — Молас знает хорошо языки, и, кроме того, он имеет лоск, который нужен для сношения с иностранцами; затем по своей должности и функциям Молас лишен самостоятельности, он только ис-

¹ Там же, л.295.

² Там же, л.278.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же, л.304.

⁶ Крылов А.Н. Мои воспоминания. Л., 1979. С.98, 303.

⁷ См. об этом: Кольцов А.В. Выборы в Академию наук СССР в 1929 г. // Вопросы истории естествознания и техники. 1990 № 3. С.53-66; Перченко Ф.Ф. Академия наук на «великом переломе» // Звенья. Вып.1. М., 1991. С.169 сл.

⁸ Н.П.Горбунов (1892-1938) — в 20-е гг. управляющий делами Совнаркома СССР; в 1935 г. проведен в академики и сделан неперменным секретарем АН СССР; в 1937 г. смещен и арестован.

полнитель распоряжений».¹ Собственно, это требование уже предвещало крах «ольденбургской системы», суть которой, как она была сформулирована выше, заключалась в сотрудничестве с советской властью при сохранении внутренней независимости Академии.

10.V.1928 г. Е.Г. записывает: «Вчера вечером был доклад С.Ф. в Секции научных работников... Посидели бы на подобных заседаниях Крачковские, Коковцовы,² Щербатские и тому им подобные. Попробовали бы, как это дается легко. Сколько нервов тратится, чтобы дать Крачковскому возможность свободно заниматься своими арабами или Щербатскому заниматься буддийской философией и ездить на отдых два раза в неделю в Лугу». Далее следуют чрезвычайно важные, на наш взгляд, слова: «Когда мы шли обратно домой, то я говорила С.Ф. <...>, что за это время Академия наук сделала огромную работу... Этот период жизни Академии наук должен по справедливости называться ольденбургским периодом... Теперь другие времена, и его период кончился, начнется другой, это надо встретить, понять и отойти. Сергей был со мною во всем согласен. Вопрос в том, насколько сломают. Та ли же участь постигнет Академию наук, как университет, или эти 10 лет самоотверженной работы Сергея не прошли даром и сломают не все. Увидим, если будем жить».³

Нажим на Академию продолжался и усиливался. 6.VI.1928 г. Е.Г.Ольденбург записывает: «С.Ф. имел беседу с Вороновым.⁴ Воронов: Правительство 10 лет ждало и дало много авансов, но на 11-м году оно поступит с Академией наук по-своему. Академия наук не сумела понять и занять то положение, которое она должна занять в советском государстве. Несмотря на то, что введен новый устав и несмотря на письмо Н.П.Горбунова, Академия наук до сих пор не исключила из числа своих членов Струве,⁵ Ростовцева и др.»⁶ 7.VI.1928 г.: «Весь май шла травля бедного Халтурина через РКИ... Придирки все по мелочам — почему потрачено в Москве на извозчиков 1 р. 75 коп. Ферсманом, разве он не может пользоваться трамваем. Зачем Халтурин едет в Москву в международном вагоне. А когда С.Ф. возражает, что он с Халтуриным совещается по делам во время дороги — это считается неосновательной причиной».⁷ В «Ленинградской правде» с лета 1928 г. начинается непрерывная кампания против Академии наук (статьи «Князь Дундук», «Академический ковчег целехонек», «Под куполом Академии» и т.д.), причем на этот раз никакие опровержения и уточнения не печатаются.

Между тем все это время С.Ф.Ольденбург, как это видно из дневника Е.Г. на листках перекидного календаря (в «Записках» эта тема исключена), ежемесячно переводит деньги в Париж сыну и его семье. 18.VI.1928 г. Е.Г. записала: «Ходила на вокзал встречать Нат.Евг.Вернадскую. Она здорова. Сказала, что в Париже очаровательные внуки у С.Ф. и скоро будет еще 4-й и что они просят денег. Это все сложно и заставляет думать о том, как они без всяких средств будут жить с четырьмя детьми».⁸

В этой обстановке непрекращающегося давления и угроз Ольденбург решается на ряд уступок. Все кандидатуры обсуждаются в комиссиях, состоящих из академиков и «представителей общественности», и одобренные комиссиями правительственные кандидаты, считает Ольденбург, должны быть избраны — это неперемное условие сохранения Академии. В самих же комиссиях шла борьба, академики выдвинули ряд выдающихся ученых, и большую их часть удалось провести. Ольденбург проводит «частные совещания» с академиками, добываясь поддержки ими своей линии. 11.IX.1928 г. Е.Г. отметила: «Вечером по просьбе С.Ф. у него на дому был акад.В.Л.Комаров. С.Ф. вел с ним беседу с глазу на глаз о положении дел в Академии и в конце концов добился от Комарова согласия проводить на выборах общую, полезную для Академии наук политику».⁹ Ботаник В.Л.Комаров (1869-1945) позднее, в 1930—1936 гг., был вице-президентом, а в 1936-1945 гг. президентом АН СССР. (Заметим

¹ Архив РАН, ф.208, оп.2, д.61, л.321 об.

² П.К.Коковцов (1861-1942) — гебраист и семитолог, академик с 1903 г.

³ Архив РАН, ф.208, оп.2, д.61, л.336-336 об.

⁴ Е.П.Воронов — заведующий отделом научных учреждений управления делами Совнаркома.

⁵ Экономист и политический деятель П.Б.Струве (1877-1944) был избран академиком весной 1917 г., позднее активный участник белого движения, эмигрант-монархист.

⁶ Архив РАН, ф.208, оп.2, д.50.

⁷ Там же, д.61.

⁸ Там же, д.62, л.907. Н.Е.Вернадская — жена академика В.И.Вернадского, дружившего с Ольденбургом со студенческих лет.

⁹ Архив РАН, ф.208, оп.2, д.50.

в скобках, что и после «коренного перелома» 1930–31 гг. должность президента АН СССР долгое время по традиции оставалась беспартийной. Последним беспартийным президентом был С.И.Вавилов, умерший в 1951 г.). Запись от 15.IX. 1928 г.: «Вечером на дому у С.Ф. было собрание по вопросу об академических выборах. Были: Крылов, Ферсман, Иоффе, Платонов, Марр, Жебелев и Вернадский. Особенно долго пришлось беседовать (или, как теперь говорят, «обрабатывать») с Жебелевым и еще дольше и труднее с В.И.Вернадским, чтобы добиться успеха единой желательной политики». В дневниках Е.Г. фиксируются встречи и беседы Ольденбурга с академиками С.Ф.Платоновым и М.М.Богословским (с положительным, с точки зрения Ольденбурга, результатом: конечно, они люди ему далекие, «но хорошо хотя бы то, что они, не желая разрушить Академию, смотрят благоразумно на дело, понимая всю важность момента»), непримиримую позицию занимают И.П.Павлов, И.П.Бородин, В.В.Бартольд; не устраивает Ольденбурга позиция А.Н.Крылова («ему всегда „все равно“, „наплевать“, „к черту!“»)³ и А.Ф.Иоффе («сознавая тяжелое положение Академии наук, остается равнодушным, потому что ему дороже всего интересы его института»);⁴ поддерживают Ольденбурга Н.Я.Марр и А.Е.Ферсман.⁵

Еще одна тема, можно сказать, врывается в 1928 г. в дневники Е.Г.Ольденбург. 25.IX. 1928 г. она записывает: «В воскресенье приехал Сергей... В Москве было очень сложно... Тяжелее всего вопрос с продажей музейных ценностей. Прямо какая-то вакханалия, во главе которой стоит нарком торговли Микоян. В 1-й же день приезда в Москву по телефону Сергею позвонил Вл.Ив.Невский и просил Сергея и Марра приехать к нему в Ленинскую библиотеку. Он рассказал им, как катастрофически обстоит дело с продажей ценностей Эрмитажа, показав под секретом листы предметов, предназначенных к продаже, — пять Рембрандтов, Рафаэль, Корреджио и разные ценности, которых Сергей не запомнил. Надо торопиться и спастись от такого расхищения».⁶

11.X.1928 г. С.Ф.Ольденбург написал письма по этому вопросу председателю Совнаркома СССР А.И.Рыкову, председателю ВЦИК М.И.Калинину, секретарю ВЦИК А.С.Енукидзе и председателю Коминтерна Н.И.Бухарину.⁷ Приведем полностью письмо к Калинину.

«Глубокоуважаемый Михаил Иванович!

Пишу Вам по делу, о котором говорил с Вами, — о продаже наших культурных сокровищ. Одновременно пишу Ал.Ив-чу, Авелю Софр-чу и Ник.Ив.Бухарину, потому что не могу молчать, слишком вопиющее это дело. Все, кто у нас стоит за эту продажу,

¹ Там же.

² Там же, Д.61. л.361 об.

³ Там же, д.57, л.132.

⁴ Там же, л.209. В дневнике Е.Г.Ольденбург имеются различные оценки А.Ф.Иоффе: «С.Ф. говорит, что, столкнувшись ближе на работе по Академии с Иоффе, он приходит к заключению, что Иоффе человек, которому доверять нельзя, крайне себе на уме, очень неискренний и фальшивый, главный его интерес — это личный, который двигает всю его жизнью» (9.V. 1928 г. — Там же, д.61, л.333 об.). «Когда мы были в Марьино, то столкнулись с Иоффе в семейной, не деловой обстановке, он гораздо симпатичнее вблизи» (5.I.1929 г. — Там же, д.57, л.75). «Странно ведет себя Иоффе. Он как-то все время ведет одну линию, что невыборы этих 3-х членов (Деборина, Фриче и Лукина — см. ниже. — Б.К.) естественны, что это не может отразиться на академическом положении. Сергей ему указывал, что это уже отражается, но что Иоффе далеко стоит от академических дел, приходит в Академию раз в неделю на один час и чаще его совсем не видно» (23.I.1929 г. — Там же, л.112 об.). «Иоффе удалось уломать. Как будто он живет за китайской стеной и ничего не понимает. На каком основании существует это недоразумение, что он советски настроенный человек?! Так думают потому, что он еврей» (26.I.1929 г. — Там же, л.120). Приводим эти записи, потому что Ф.Ф.Перченков в своей работе написал: «А.Ф.Иоффе, благосклонно принимаемый в правительственных кругах, видимо, выдавал там то, что, с точки зрения других академиков, должно было оставаться секретом АН» (Перченков Ф.Ф. Указ. соч. С.180). Дневники Е.Г.Ольденбург оснований для такого заключения не дают. Бросая такое обвинение выдающемуся ученому, Ф.Ф.Перченков должен был привести точные доказательства, которыми, судя по употребленному им слову «видимо», он не располагал.

⁵ В разговоре с В.И.Вернадским Ферсман выразил свое мнение о выборах: «Провокация для того, чтобы создать потом назначенную Академию». Цит. по примеч. к публикации М.Юрьевой и Д.Рейзлина: Покровский М.Н. К отчету о деятельности Академии наук за 1926 г.//Звенья. Вып.2. М., 1992. С.593.

⁶ Архив РАН, ф.208, оп.2, д.61, л.351.

⁷ Письмо к Бухарину опубликовано И.Д.Серебряковым в статье «Без ответа» (Огонек, 1989, № 19).

видимо, люди неопытные и не учитывающие последствий подобных продаж, о которых наши враги скоро будут торжествующе кричать по всему миру, подрывая наш кредит. Те жалкие деньги, которые мы могли бы получить, не помогут нам при наших громадных потребностях, а лишат нас величайших культурных ценностей и опозорят на весь мир.

Нельзя делать таких государственных ошибок, воображая, что продажей картин наша громадная страна со своими 150 млн. жителей может поправить свои финансы. Вы так верно сказали, что наживутся негодяи, мы получим гроши, а сраму будет без конца.

Помогите и вступитесь, пока не поздно.

*Искренно Вас уважающий
Сергей Ольденбург*

11.X.1928. Ленинград.¹

Как известно, продажи прекращены не были, а наоборот, в 1929-1932 гг. были широко развернуты.² Не исключено, что эти протесты сыграли свою роль в смещении С.Ф.Ольденбурга в октябре 1929 г.: очень вероятно, что инициатором распродаж в конце 20-х гг. был Сталин.

Борьба С.Ф.Ольденбурга за спасение Эрмитажа в последний год его неперемного секретарства проходит на фоне нагнетания обстановки вокруг Академии наук. До января 1929 г. продолжается кампания по выдвигению и обсуждению кандидатов в академики, подробно зафиксированная в дневниках и записках Е.Г.Ольденбург. Так, из ее записи от 13.X.1928 г. узнаем, что «Сергей горячо возражает против правительственного кандидата Фриче — главы историко-литературного исследовательского института в Москве, которого он прямо называет дураком от марксизма».³ С другой стороны, Ольденбург был главным инициатором выдвигения в академики (он лично написал представление) выдающегося ученого-китаиста В.М.Алексеева, который, по словам Елены Григорьевны, «ведет себя не очень тактично»,⁴ позволяя себе открыто высказывать то, что он думает об окружающей действительности.

В ноябре 1928 г. разразилось так называемое «дело Жебелева». Известный эллинист академик С.А.Жебелев наряду с некоторыми другими ленинградскими и московскими учеными (в их числе были академики В.В.Бартольд и И.Ю.Крачковский, Д.В.Айналов, А.И.Анисимов, С.Н.Тройницкий, А.А.Спицын, Н.П.Сычев, А.Н.Кубе и др.) печатался в «Seminarium Kondakovianum», «Сборнике статей по археологии и византиноведению», который издавался Институтом имени Н.П.Кондакова, основанным в Праге группой русских ученых-эмигрантов. Во 2-м томе этого издания была помещена статья Жебелева о Я.И.Смирнове,⁵ археологе и искусствоведе, умершем в Петрограде в 1918 г., когда, по словам Жебелева, «у нас началось уже лихолетье».⁶ В статье упоминался «наш общий с Я.И. друг и соратник М.И.Ростовцев»⁷ и содержались некоторые другие сомнительные с советской точки зрения выражения. Статья вызвала бешеную и, как тогда казалось, совершенно неадекватную реакцию в Советском Союзе. В печати была развернута кампания против С.А.Жебелева, проводились собрания и принимались резолюции с требованием исключить Жебелева из Академии наук за «антисоветский поступок» и т.д. 18.XI.1928 г. Е.Г.Ольденбург записала: «Воронов говорил Сергею, что ставится вопрос об исключении Жебелева из Академии наук и Академии материальной культуры. Сергей очень горячо возражал <...> В субботу Сергей видел Горбунова. Вопрос о Жебелеве стоит очень остро <...> Если выборы покажут, что Академия наук не идет с советской общественностью, то тогда с нею будет поступлено, как она этого заслуживает».

Совершенно очевидно, что «дело Жебелева», державшегося независимо, было организовано, чтобы оказать давление на Академию накануне выборов. Тактика казалась эффективной. На совещании у А.П.Карпинского 21.XI.1928 г. В.И.Вернадский присоединился к точке зрения С.Ф. Ольденбурга. Согласно записи Е.Г. Ольденбург,

¹ Архив РАН, ф.208, оп.2, д.57, л.7.

² См.: Пиотровский Б.Б. История Эрмитажа // Эрмитаж. История и современность. М., 1990. С.59-62.

³ Архив РАН, ф.208, оп.2, д.57, л.13.

⁴ Там же, л. 15.

⁵ Жебелев С.А. Яков Иванович Смирнов // Seminarium Kondakovianum. Т.II. Прага, 1928. С.1—18.

⁶ Там же. С.1.

⁷ Там же. С.2.

⁸ Архив РАН, ф.208, оп.2, д.57, л.27-28.

«Вернадский говорил, что при создавшемся положении надо действовать так, чтобы спасти Академию наук, что хотя он не смотрит розово на то, что ожидает Академию наук при новом составе и новой жизни, что будут, конечно, огромные трения и затруднения, но что иначе действовать, как серьезно учитывая создавшееся положение, нельзя... С циничными предложениями выступил Крылов, тон его, по мнению Сергея, был неприличен, и он говорил, что надо собраться всем и пусть С.Ф. заявит, что «приказано так поступать», и дело кончено».¹ В тот же день в Секции научных работников был поставлен вопрос об исключении из нее С.А.Жебелева. Против исключения выступили С.Ф.Ольденбург, Н.Я.Марр и И.А.Орбели (который, как считали многие, может быть, невольно первым обратил внимание «советской общественности» на статью Жебелева, возмущаясь фразой в ней о том, что ненапечатанные материалы Смирнова находятся у Орбели). «Сергей пришел поздно... — записала Е.Г. 22.XI.1928 г. — Первое его восклицание было: «Ужасное заседание! Позорное заседание!» <...> Ночь эту Сергей почти не спал... Какое трудное, невыносимо позорное время!»²

С.А.Жебелев вынужден был написать письмо с «разъяснениями», отредактированное Ольденбургом. В письме Жебелев признавал ошибочным свое участие в сборнике, говорил о своей лояльности к советской власти и — что несомненно было самым трудным и неприятным для него — заявлял: «Слова мои о М.И.Ростовцеве как «общем нашем с Я.И.Смирновым друге и соратнике» относятся определенно ко времени, когда мы все трое работали в России и в начале революции в Союзе. Разумеется, что с того времени, как М.И.Ростовцев покинул нас и занял враждебную, антисоветскую позицию, наши пути разошлись и он перестал быть мне соратником и другом». Президиум Академии наук нашел объяснения Жебелева удовлетворительными, вынес ему порицание за участие в эмигрантском сборнике и счел, что для исключения его из Академии нет оснований.

По-видимому, решив, что основная цель (запугивание академиков) достигнута, власти приостановили кампанию против Жебелева. 27.XI.1928 г. Е.Г.Ольденбург записала: «Дело с Жебелевым кончено! Вчера во время торжества (200-летие Академической типографии. — Б.К.) за чаем Марр по-грузински говорил с Енукидзе, и разговор был благоприятен для Жебелева. Тут же Енукидзе прочитал письмо Жебелева, которое завтра будет в печати».⁴ Через четыре года, в составленном не для печати «Автонекрологе», С.А.Жебелев писал, что «М.И.Ростовцев за время, истекшее со дня его отъезда в 1918 г., ничего не мог бы сказать обо мне за последние 14-15 лет, кроме разве того, что я публично отрекся от него, отрекся, конечно, вынужденно, в силу сложившихся, но несколько не оправдывающих меня обстоятельств и соображений, не делающих чести моему мужеству и являющихся в моих глазах одним из самых мрачных эпизодов моей жизни».⁵

В 1928 г. ширятся аресты среди петербургской интеллигенции, постоянно отмечаемые в дневнике Е.Г.Ольденбург. 24.V.1928 г.: «Утром С.Ф. пришлось быть в ГПУ по делу Комаровича».⁶ В.Л.Комарович (1894—1942) — литературовед, специалист по Достоевскому, участник религиозно-философских кружков. 25.X.1928 г.: «Завтра к часу Менжинский дает ответ (по делу Г.П.Блока, которого снова высылают из Ленинграда)». Г.П.Блок (1888—1962) — писатель и литературовед, двоюродный брат поэта, бывший лицеист, в 1918—1923 гг. заведующий канцелярией Конференции Академии наук, ближайший сотрудник Ольденбурга. На этот раз его удалось отстоять. В ноябре 1928 г. арестованы генеалог и нумизмат А.А.Сиверс (1866—1954), выходец из известной дворянской семьи, служивший в Эрмитаже, сотрудник БАН византист В.Е.Вальденберг (1871—1941) и крупнейший византист-палеограф, член-корреспондент АН СССР В.Н.Бенешевич (1874—1938). Ольденбург хлопотал и о них, но безрезультатно.

В этой обстановке продолжается подготовка к академическим выборам. 27.XI.1928 г. в «Записках» Е.Г.Ольденбург читаем: «В.И.Вернадский предложил выработать приемлемую общую формулировку для принятия всего полного списка всеми... На его слова И.П.Павлов, точно сорвавшись с цепи, крикнул: «Это лакейство, что вы предлагаете!» Вернадский вспылил и заявил ему резко, что он непозволительно себя

¹ Там же, л.30.

² Там же, л.32.

³ Научный работник. 1928. № 12. С. 113.

⁴ Архив РАН, ф.208, оп.2, д.57.

⁵ Жебелев С.А. Автонекролог//Вестник древней истории. 1993. № 2. С.177.

⁶ Архив РАН, ф.208, оп.2, д.50.

⁷ Там же.

ведет и что он должен прийти в себя... Павлов почти кричал, что большевикам надо себя показать, что их нечего бояться, что никаких предварительных сговоров не нужно, что каждый может и должен поступать индивидуально и т.д. Сергей ему очень запальчиво сказал, что он, Иван Петрович, может, и ему разрешается говорить что ему угодно, что его не тронут, т.к. он в привилегированном положении, т.к. он, известно всем, и это говорят сами большевики, идейный руководитель их партии.¹ Павлов опять вскипел. Было ужасно!²

В декабре 1928 г. все кандидатуры были окончательно согласованы и одобрены в отделениях. На выборах 12.I.1929 г. не набрали необходимых 2/3 голосов правительственные кандидаты А.М.Деборин (философ), Н.М.Лукин (историк) и В.М.Фриче (литературовед). Большинство в один голос прошли коммунисты Н.И.Бухарин, Г.М.Кржижановский и И.М.Губкин. Академиками стали крупнейшие ученые несоветской формации, в том числе В.М.Алексеев, С.Н.Бернштейн, Н.И.Вавилов, Н.Д.Зелинский, Н.Н.Лузин, Л.И.Мандельштам, М.А.Мензбир, В.А.Обручев, Д.Н.Прянишников, Д.М.Петрушевский, Д.С.Рождественский, А.Е.Фаворский, С.А.Чаплыгин, А.Е.Чичибабин и другие.

Неизбрание трех коммунистов вызвало хорошо организованную бурю в печати. Казалось, что под вопросом стоит само существование Академии. Руководство Академии решило пойти на перебаллотировку неизбранных с участием новых академиков, хотя это противоречило уставу и за разрешением требовалось обратиться в Совнарком. Академики Карпинский, Ольденбург, Ферсман, Крылов, Крачковский, Иоффе, Марр, Курнаков, Платонов, Комаров и Тарле подписали соответствующее предложение. Небезынтересна следующая деталь. «Вот тут-то Тарле и проявил свою двойственность. Он не хотел подписывать, говоря, что он должен обдумать... Тогда позвонили к С.Ф.Платонову, который уже уехал, тот поговорил с ним, и Тарле подписал, — записала Е.Г.Ольденбург.³ Блестящий историк Е.В.Тарле (1875-1955) до революции был «левым профессором», и избрание его академиком в 1927 г. могло рассматриваться как «подвижка» Академии. Впрочем, когда Ольденбург однажды высказался в таком духе перед советским чиновником Е.П.Вороновым, Воронов сказал с усмешкой: «Ну, не говорите, мы знаем Тарле. Если бы Тарле свои марксистские взгляды выражал бы не на словах, а побольше письменно... а то выходит, что в своих заявлениях он марксист, а в своих научных трудах — иное, и очень скоро это будет указано с чисто научной точки зрения кем следует» (запись Е.Г.Ольденбург от 1.V.1928 г.).⁴ Очевидно, имелось в виду подготовлявшееся выступление М.Н.Покровского,⁵ который особенно не любил Тарле, возможно, видя в нем своего соперника. Любопытно, что для получения подписи Тарле пришлось мобилизовать несравненно более «правого» по своим идейным установкам С.Ф.Платонова, с которым у Тарле в 20-х гг. были хорошие личные отношения.

Не останавливаясь на других деталях⁶ (яростным противником перебаллотировки был И.П.Павлов). 13.II.1929 г. перевыборы все-таки состоялись, и Деборин, Лукин и Фриче были «избраны». Вот «картинка с натуры», сохранный Е.Г.Ольденбург: «Сейчас 2 1/2 часа, выборы начались. Во дворе стоит лошадь Н.Я.Марра и его кучер — молоденькая женщина, что ездит за своего больного мужа... Только пробил час 3, как прибежала ко мне в комнату Люся с веселым лицом и говорит: «Должно быть, выборы кончились благополучно. Из моего окна видно, отъезжает много автомобилей и фотографы снимают всех...» Дома у нас точно праздник! Сергей пришел веселый, еще издали закричал: «Поздравь меня!» Все его поздравляли — Митя, Люся и я, даже Аграфена Осиповна пришла из кухни и тоже цвела улыбкой».⁷ Такова, по-видимому, природа человека — когда он втягивается в какое-то дело, то стремится к его успеху, искренне желает довести его до благоприятного конца. Ведь по существу январские выборы 1929 г. были капитуляцией Академии и означали крах ольденбургской кон-

¹ Имеются в виду, конечно, работы И.П.Павлова по физиологии, считавшиеся подтверждением философского материализма,

² Архив РАН, ф.208, оп.2, д.57, л.51-52. Пользуюсь случаем ввести поправку в свою статью «Люди и судьбы», где на с.161 почти отождествляются позиции И.П.Павлова и В.И.Вернадского в 1929-1930 гг.

³ Там же, л.88 об.

⁴ Там же, д.61. л.332.

⁵ См.: Покровский М.Н. «Новые» течения в русской исторической литературе // Историк-марксист. 1928. Т.7. С.3-17. Значительная часть статьи посвящена обвинениям Е.В.Тарле в псевдомарксизме и антантофильстве.

⁶ См.: Кольцов А.В. Указ.соч. С.55 сл.; Перченко Ф.Ф. Указ.соч. С.186-190.

⁷ Архив РАН, ф.208, оп.2, д.57, л.169. Митя — Д.Д.Головачев (1902-1942), сын Е.Г.Ольденбург от первого брака; Люся — его жена; Аграфена Осиповна — домработница.

цепции «сотрудничества», как она была описана выше. Оставалось спасти то, что — как казалось — еще можно было спасти...

Радость С.Ф.Ольденбурга не могла быть долгой. Волна арестов нарастала. 27.III.1929 г. Елена Григорьевна записывает: «Утром в 11 1/2 ч. Сергей был у Мессинга на приеме, говорил об Алявдине, [нрзб], Заозерском, [нрзб] и Лисенкове».¹ А.П.Алявдин (1885-1965) — востоковед-сириолог, сотрудник Азиатского музея, член религиозно-философского кружка «Воскресение». А.И.Заозерский (1874-1941) — русский историк, до 1923 г. профессор Петроградского университета, затем сотрудник Рукописного отделения БАН. Е.Г.Лисенков (1885-1954) — искусствовед, сотрудник Эрмитажа. 29.III.1929 г. «Дело Лисенкова из Эрмитажа принимает благоприятный оборот. Остальные сидят крепко».² 3.IV.1929 г.: «Очень рада, что Сергеем удалось благополучно кончить дело с Щербатским. Секция научных работников лишила его не только избирательного права как бывшего земского начальника, но затем постановила и отобрать у него хлебную карточку».³ Он звонил по телефону, просил заступничества Сергея. Тот говорил с тов.Кондратьевым из Исполкома, и Щербатскому вернули карточки и избирательные права».⁴ 10.IV.1929 г.: «Какое тяжелое время. В тисках! В тисках!»⁵ 18.IV.1929 г.: «Ночью арестован молодой Насонов, Арсений».⁶ А.Н.Насонов (1898-1965) — сын биолога Н.В.Насонова и племянник историка и кадетского деятеля А.А.Корнилова, русский историк, специалист по летописям. В последующие месяцы к Ольденбургу постоянно обращается за помощью его отец, академик Н.В.Насонов.

25.IV.1929 г.: «Утром в 8 1/2 ч. пришли к Сергею оба Гревс, муж и жена. Бедный И.М., уже два раза его вызывали в ГПУ к следователю Стромину. Ему вменяется в вину, что он участвовал ранее в религиозной организации, основа которой монархическая. Гревс не отрекается, что он религиозен, не отрицает факта, что 3 года тому назад он приходил на религиозно-философские собрания кружка, где были арестованные теперь (не помню их фамилий — Мейер и еще кто-то) и член этого кружка за границей Федотов. Конечно, И.М. отрицает всякую монархическую подкладку, следователь говорит ему, что это не правда, что он ему не верит, что сидящие в тюрьме показывают на него и говорят. Когда И.М. просит показать ему сведения, конечно, ему отказывают. Оба они с женою страшно удручены. Тяжело на них смотреть. Гревс написал Крыленко, своему бывшему ученику, прося его защиты, а также записку знаменитой анархистке Стасовой, своей ученице».⁷ Сергей вчера три раза звонил к следователю, прося его принять, и никак не мог попасть. Ну что делать?! Все же он пошел в ГПУ к другому следователю говорить о деле сына акад.Насонова Арсения, который арестован неделю тому назад... Утром же прибежал Якубовский по делу о своем товарище Анциферове Николае Павловиче, который третьего дня был вызван в ГПУ и больше не вернулся».⁸

Речь идет о деле религиозно-философского кружка «Воскресение»,⁹ по которому проходил и знаменитый впоследствии М.М.Бахтин. Обращения И.М.Гревса, по-видимому, сыграли свою роль: он не был привлечен по делу «Воскресения». Н.П.Анциферов и А.Н.Насонов освобождены не были. Кстати сказать, «глухая Таня Нечаева», через которую Елена Григорьевна иногда передает деньги в Париж,¹⁰ — по-видимому, сестра жены блестящего историка и философа Г.П.Федотова, Елены Николаевны, урожденной Нечаевой. Их мать, О.К.Нечаева, была распорядительницей Бестужевских

¹ Архив РАН. ф.208, оп.2, д.62, л.90.

² Там же, л.92.

³ «Говорят, что с 1 января будут хлеб давать по карточкам», — записала Е.Г. 16.XII.1928 г. (Там же, л.1087).

⁴ Архив РАН, ф.208, оп.2, д.57. л.203-205.

⁵ Там же, л.206.

⁶ Там же, д.62, л.112.

⁷ Н.В.Крыленко (1885-1938) — выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета, в советское время был генеральным прокурором и наркомом юстиции. Трудно сказать, почему Е.Г.Ольденбург называет известную большевистскую деятельницу Е.Д.Стасову (1873-1966) «анархисткой»; вероятно, это описка.

⁸ Архив РАН, ф.208, оп.2, д.57, л.214-215.

⁹ См.: Анциферов Н.П. Из воспоминаний. Публикация А.И.Добкина и А.Б.Рогинского//Звезда. 1989. № 4. С.118-125 (также в кн.: Анциферов Н.П. Из дум о былом. Воспоминания. Под ред. А.И.Добкина. М., 1992. С.323-337); К биографии М.М.Бахтина//Вопросы литературы. 1991. № 3. С.128-141.

¹⁰ Архив РАН, ф.208, оп.2, д.62, л.32, 124, 1045.

курсов и состояла одно время председателем Петербургского комитета партии кадетов.¹

С 12.V по 12.VIII.1929 г. С.Ф.Ольденбург был в заграничной командировке — последний раз в своей жизни. Во Франции его принимали как главу русской науки. В дневнике Елены Григорьевны отмечены встречи и беседы с индологом С.Леви, лингвистом А.Мейе, физиком П.Ланжевром, славистом А.Мазоном, социологами и этнологами Л.Леви-Брюлем, М.Моссом и М.Хальббаксом, китаистами П.Пеллио и М.Гране. Все они занимали высокое положение во французской научной и общественной жизни. В Сорбонне С.Ф.Ольденбург сделал два доклада — о русском востоковедении и о методах изучения народной сказки. В советском посольстве в Париже был торжественный прием с участием иностранных послов. Встречался С.Ф.Ольденбург и с сыном и его семьей — также в последний раз.

В отсутствие Ольденбурга летом 1929 г. началась проверка аппарата Академии наук так называемой комиссией Фигатнера. Перед комиссией, которую возглавлял член коллегии наркомата РКИ Ю.П.Фигатнер, должны были предстать все сотрудники учреждений Академии наук, за исключением академиков. Исследовались социальное происхождение, дореволюционная деятельность и идеологическая пригодность сотрудников, увольнялись десятки и сотни людей.²

Первая запись Е.Г.Ольденбург после возвращения датирована 23.VIII.1929 г.: «Вернулись в Ленинград 12 августа... Дело было не в том, что нас ждало в Европе, а в том, что ждало здесь... Сергей сразу попал в такой водоворот! Ужасно. Чуть мы спустились с парохода, как попали в этот кипяток. А.Е.Ферсман еще в Париже написал нам, что он, ввиду того, что смешены Халтурин и Мола, подает заявление об уходе из вице-президентов, он только пока исполняет обязанности... Мы еле-еле увидели Комарова с палубы парохода, стоящего на набережной с другими академиками — он буквально убежал, т.к. в Большом Конференц-зале Академии наук шло общее собрание сотрудников и решался вопрос о Библиотеке и Пушкинском Доме. Пока мы ехали в автомобиле с багажом вместе с А.Е.Ферсманом, он успел поспешно, горячо, полусловами рассказать о чрезвычайном положении дел в Академии наук в связи с «проверкой» служебного аппарата... Почти сейчас <...> пришла взволнованная, с красными пятнами на лице, Сонечка Шахматова³ и заявила, что она пришла с общего собрания служащих, что работники Пушкинского Дома и Библиотеки просят прийти к ним С.Ф., что пусть он ничего не говорит, но уже одно его присутствие успокоит их. С.Ф. ответил, что должен спросить на этот счет совета А.Е.Ферсмана и Комарова, что он боится повредить делу... Затем Сонечка ушла наверх с письмом в залу заседаний, вернулась минут через пять с ответом от Ферсмана, что С.Ф. лучше сегодня не приходите, а что завтра они, т.е. комиссия, его пригласят с утра. И вот наступило это завтра, которое продолжается и по сей день <...> Первые ночи, как мы приехали, на свежие нервы это все так действовало, что Сергей не мог спать — его преследовали лица исключенных по I категории, поведение самих сотрудников — и он стонал и мучился».⁴ «За это время, — продолжает Е.Г., — Ал.Петр.Карпинский приходил к нам раза четыре <...> Бедный старик! Два раза он приходил в таком состоянии, что говорил — ему необходимо видеть С.Ф., т.к. он сейчас же отказывается от президентства, он не может перенести всего этого — не может выносить слез этих людей, которые идут к нему, плача, просят заступничества и он бессилён помочь! Весь красный, в слезах, с срывающимся голосом, с длинными белыми волосами».⁵ Ольденбург почти ничего не в состоянии сделать, хотя внешние знаки внимания ему еще оказываются. «Из внимания к нему оставили Гирса, бывшего дипломата, Эбермана и Щуцкого, которые заняты религиозно-философскими вопросами. С трудом удалось отстоять Ал.Мих.Мерварта».⁶ Сотрудники Азиатского музея иранист М.М.Гирс (1877-1932), арабист В.А.Эберман (1899-1937) и сотрудник Музея антропологии и этнографии индолог А.М.Мерварт (1884-1932) в ближайшие месяцы были арестованы и проходили по «академическому делу», китаист Ю.К.Щуцкий (1897-1938) арестован в 1937 г. и расстрелян.

В конце августа в работе комиссии был объявлен перерыв. 25.VIII.1929 г. С.Ф.Ольденбург подал в Президиум Академии наук заявление об отставке, ссылаясь на возраст, но выразил готовность исполнять обязанности неперемennого секретаря

¹ См. о ней: Ольга Константиновна Нечаева. 1860-1926. Л., 1928.

² См.: Перченко Ф.Ф. Указ.соч. С. 195-202.

³ С.А.Шахматова-Коплан (1901-1942) — дочь акад.А.А.Шахматова, сотрудница библиотеки Пушкинского Дома.

⁴ Архив РАН, ф.208, оп.2, д.57, л.219-220.

⁵ Там же, л.223.

⁶ Там же, л.224 об.

до конца года. На следующий день он с женой уехал к ее отцу на Волгу. По возвращении Е.Г. записала: «Настало время тяжкое, как кошмар. Аресты новые, старых не освободили <...> Сергей все время занят безумно, т.к. у него огромные приемы, его буквально все осаждают».¹ 17.X.1929 г. исполнилось 25 лет пребывания С.Ф.Ольденбурга в должности неперменного секретаря, поздравления наряду с сотрудниками Академии прислали А.И.Рыков, Н.И.Бухарин, А.В.Луначарский, А.С.Енукидзе, Н.А.Семашко, Г.М.Кржижановский. Через два дня в Ленинград вернулся Фигатнер. «Поступили сведения», что в Рукописном отделении БАН, Пушкинском Доме и Археографической комиссии незаконно хранятся архивные документы, имеющие важное политическое значение. «Обнаружены» были подлинник отречения Николая II, архивы Департамента полиции, некоторых великих князей (в том числе Константина Константиновича, президента Академии в 1889-1915 гг.), различных политических партий и т.д. В действительности о хранении в Академии наук документов новейшего времени, попавших туда по большей части в хаосе 1917-1920 гг., когда им угрожала физическая гибель, правительственные органы знали и ранее и не видели в этом опасности для режима. Теперь же этот факт решено было использовать как предлог для массовых репрессий. 24.X.1929 г. Ольденбург и академик С.Ф.Платонов (возглавлявший все три «замешанных» академических учреждения: БАН, Пушкинский Дом и Археографическую комиссию) были допрошены Фигатнером, к которому присоединились приехавшие из Москвы члены коллегии ОГПУ Я.Х.Петерс и Я.С.Агранов. Накануне ночью был арестован ученый секретарь Постоянной историко-археографической комиссии А.И.Андреев, один из крупнейших специалистов по русскому источниковедению.

Развязка для Ольденбурга наступила 30.X.1929 г. Запись Елены Григорьевны воссоздает драматическую картину: «30.X. Среда. Сергей ушел рано утром сначала в канцелярию Конференции, затем на сессию <...> В 7 час. вечера он вернулся. <...> Он бросил пальто и шляпу на стол перед зеркалом и, как-то задыхаясь, сказал: «Отставлен Рыковым...» За ним шли Вернадский, Ферсман, Борисьяк,³ после всех Молас... Я как-то сразу не поняла. Что-то случилось ужасное, тяжелое. Я смотрела на Сергея. «Отставлен Рыковым из неперменных секретарей», — повторил он, проходя в свой кабинет. Все пошли за ним. Он сел за свой письменный громадный стол, зажал голову руками и смотрел вниз. Все стояли вокруг. Было молчание. <...> Первый заговорил В.И.Вернадский. Он говорил, что тут какое-то недоразумение, что это не может быть, что скоро все выяснится. Но Сергей поднял голову и, твердо глядя на всех, сказал: «Нет, нечего выяснять... И так все ясно. Очевидно, они решили... Это было обдумано заранее!» И он снова сжал себе голову... Тогда заговорили все. Говорили сразу. Сергей молчал... Наконец все сошлись на решении, что А.Е.Ферсман должен сегодня вечером ехать в Москву, говорить с Рыковым. Пришел Н.Я.Марр <...> Все считают, что после этого факта можно ожидать разных историй с самой Академией <...> Все продолжали говорить и все согласились, что возможно нынче "ожидать обыска и ареста Сергея <...> Кто-то спросил, что, может быть, есть что-нибудь, что надо убрать из дома. Может быть, письма его сына? С.Ф. спокойно ответил, что с сыном он давно не переписывался и что лично у него нет ничего, что надо было бы прятать или уносить из дома. И он добавил: «Если захотят придраться, всегда найдут... Тогда надо все прятать». <...> Мы не спали всю ночь».

31.X.1929 г.: «Что писать? Что записывать? Оборвалось все... В доме плохо. Эта ужасная тишина и пустота. В доме точно умерший... Да, конечно, так бывает, когда кто-то умрет. И у нас в доме умерший... Пусто и плохо. Не звонит телефон. Ни к нам никто не звонит, ни мы ни к кому не звоним <...> И мне кажется, что нас стали бояться <...> Бедный Сергей, он у себя в кабинете то начинает разбирать свои бумаги, то бросает все и ложится на диван и начинает читать».

1.XI.1929 г.: «Эти две ночи мы спали одетые. Да какой это сон <...> Все же я послушала В.И. (Вернадского. — Б.К.) и приговорила все вещи для тюрьмы, на случай ареста... Какая это мерзость... Сергей спокоен. Это жизнь, в жизни бывают ошибки... Я задыхаюсь от негодования <...> Весь день сидели дома, никуда не хочется, но ни обысков, ни арестов, никаких звонков ниоткуда».⁶ В тот же день Ольденбург передал

¹ Там же, л.230-231.

² См.: Перченко Ф.Ф. Указ.соч. С.202-204; Начало «дела» Академии наук. Стенограмма заседания Особой комиссии наркомата РКИ СССР 24.X.1929 г. Публикация А.И.Алаторцевой//Исторический архив. 1993. № 1. С.79-109.

³ А.А.Борисьяк (1872-1944) — геолог, академик с 1929 г.

⁴ Архив РАН, ф.208, оп.2, д.57, л.237-239. Частично цитир. Ф.Ф.Перченко.

⁵ Там же, л.239-239 об.

⁶ Там же, л.240.

в Академию остававшиеся у него бумаги великого князя Константина Константиновича с сопроводительной запиской: «В Президиум. Прошу принять для Архива Академии письма покойного Президента к Непременному секретарю и письменные доклады Непременного секретаря с пометами Президента. Академик С.Ольденбург».¹ На следующий день вернулся из Москвы А.Е.Ферсман, который был принят А.И.Рыковым и вынес впечатление, что Рыков относится к Ольденбургу «положительно». Но успокоения это не принесло.

Последующие три приведенные записи имеются только в дневнике Е.Г. на листках перекидного календаря, в литературно оформленные «Записки» они не вошли. 4.XI.1929 г.: «Сегодня за обедом Митя вдруг вспомнил, что когда он в прошлом году переносил книги и переписку С.Ф. из кладовой Музея этнографии к нам на квартиру, то там было много бумаг Милюкова и каких-то бумаг кадет... И Сергей тоже вспомнил... Когда все бежали из Петрограда кто куда, то к нему тащили все. Он так был занят тогда, да и потом, что он, собственно, не знает, что там есть. Когда его садили в тюрьму 2 раза, то был тогда обыск, очевидно, что-то взяли, но теперь благоразумнее посмотреть, что там есть. Лучше уничтожить... Решили, что ночью, когда на лестнице никто не будет ходить в Правление, то Митя пойдет и посмотрит, что там есть наверху в кладовых».²

5.XI.1929 г.: «Ночью Митя ходил, принес часть бумаг Сергею... Дневники Милюкова, его письма, протоколы заседаний кадет, их переписка... И еще-еще без конца. Митя говорит — три огромных корзины... Зажгли сразу 3 печки и до 4 часов утра жгли. Завтра на ночь придет Наташа,³ и они вдвоем с Митей опять ночью будут таскать и жечь... Как жаль... Сколько здесь гибнет истории русского общества».⁴ 6.XI.1929 г.: «Был Вл.Ив.Вернадский. Сергей сказал ему, что я чуть не плачу, когда жгут бумаги, т.к. здесь много ценного в историческом отношении. Вл.Ив. напал на меня — надо обязательно жечь <...> Если обыск будет у нас, могут пострадать многие люди, бывшие ка-де, которые теперь уже полезно работают... Ночью Митя и Наташа вдвоем таскали целые корзины... Горит, горит...»⁵

Навешают Ольденбурга в ближайшие месяцы после его «падения» очень немногие друзья и коллеги. С 10.XI. С.Ф.Ольденбург начинает выходить в Азиатский музей, директором которого он состоял с декабря 1916 г., но которому ранее, занятый управлением Академией, уделял мало внимания (все текущие дела в Музее вел старший ученый хранитель Ф.А.Розенберг).

Все это время идет и нарастает волна арестов. В числе арестованных Б.Н.Молад и Д.Н.Халтурин. В начале 1930 г. добираются до академиков. 12.I.1930 г. был арестован С.Ф.Платонов. 13.I.1930 г. Е.Г.Ольденбург записала: «Говорят, что у Комарова⁶ были дочери С.Ф.П. и просили, чтобы Академия заступилась за отца. Он отвечал, что теперь нет Академии».⁷ 14.I.1930 г.: «Как-то пройдет ночь?»⁸ 15.I.1930 г.: «Ночь у нас прошла спокойно, хотя мы были в ожидании и казалось, что шумит автомобиль. <...> Разговоры все об одном и том же».⁹

Весьма важна запись Е.Г.Ольденбург от 17.I.1930 г.: «Вечером у С.Ф. был Марр. Говорит, что к Сергею отношение в Москве благоприятное, что его хотят выделить из процесса».¹⁰ Нам представляются значительными следующие строки в кратком некрологе С.Ф.Ольденбурга, написанном в 1934 г. тяжело больным Н.Я.Марром: «Сергей Федорович Ольденбург — поучительный феномен с того берега ученых, отнюдь не одних старых... Надо было ленинское ясновидение, чтобы признать грядущую ценность С.Ф. <...> Нужна была сталинская зоркость, чтобы признать необходимостью сохранить С.Ф. для наступившей уже тяги к науке и культуре».¹¹ Очень

¹ Там же, д.52 («Хронологическая канва...»).

² Там же, д.62, л.311.

³ Племянница С.Ф.Ольденбурга.

⁴ Архив РАН, ф.208, оп.2, д.62, л.312.

⁵ Там же, л.313.

⁶ После отстранения Ольденбурга В.Л. Комаров исполнял обязанности неперменного секретаря.

⁷ Архив РАН, ф.208, оп.2, д.62, л.385.

⁸ Там же, л.386.

⁹ Там же, л.387.

¹⁰ Там же, л.389.

¹¹ Марр Н.Я. Памяти С.Ф.Ольденбурга//Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 3. С.14.

вероятно, что здесь содержится намек на реальную механику событий, а не только ритуальный оборот. В комментариях А.Добкина и А.Рогинского к воспоминаниям Н.П.Анциферова приводится свидетельство из воспоминаний географа В.П.Семенова-Тян-Шанского о том, что фамилии Ольденбурга, Ферсмана и его самого значились в списке лиц, подлежащих аресту по «делу Академии наук», но были вычеркнуты оттуда «жирным красным карандашом».¹

Вероятно, сообщение Н.Я.Марра несколько разрядило обстановку в доме Ольденбурга, хотя (не говоря уже об общем настроении) никакой уверенности быть не могло — аресты разворачивались. 29.I.1930 г. Е.Г.Ольденбург записала: «Оказывается, заболел в ночь академик Лихачев». Накануне был арестован Н.П.Лихачев. 30.I.1930 г.: «Снова заболел Тарле».² 7.II.1930 г.: «У Сергея долго был Комаров. Он сам захотел прийти и сидел и все время говорил. Настроение его тяжелое».³ 8.II.1930 г.: «Сергей видел Марра. Тот очень плохо выглядит и плохо вообще справляется со всем».⁴ 16.II.1930 г. о Карпинском: «Он вообще страшно мрачен, хочет кончать самоубийством, т.к. ему тяжела жизнь».⁵

Очевидно, какие-то указания насчет Ольденбурга все-таки были получены. 2.II.1930 г. его приглашают на чай «академического актива». «Кржижановский и Луначарский были с ним очень любезны <...> Сергей был выбран членом трех академических комиссий».⁶ Луначарского одно время прочили в президенты, но на Общем собрании 3.II.1930 г. президентом был переизбран А.П.Карпинский, вице-президентами стали Г.М.Кржижановский, Н.Я.Марр и В.Л.Комаров, постоянным секретарем — марксистский историк В.П.Волгин (как и Луначарский, он был избран академиком за месяц до того). В марте 1930 г. было принято решение о создании на базе Азиатского музея Института востоковедения, и С.Ф.Ольденбург стал его директором. Последние четыре года его жизни были посвящены этому делу. В том, что классическое востоковедение в СССР сохранилось, — немалая заслуга Ольденбурга. Его декларация этих лет (например, доклад 1931 г. «Восток и Запад в советских условиях») часто производят неприятное впечатление, но, оценивая их, следует помнить, в каких условиях они делались, и то сугубо трудное положение, в котором находился их автор.

Дневниковые записи Е.Г.Ольденбург, после 1929 г. очень лаконичные (подробных «Записок» больше нет), передают ледяное дыхание эпохи. 12.II.1930 г.: «Днем я была у Хортик Марии Ильиничны... Она говорила, как жена Тарле убита его арестом. А Молас в лазарете и получает свидание с женою».⁷ 27.II.1930 г.: «В Эрмитаже нет ничего особенного. Кроме двух картин Рубенса «Портрет Елены Фурман» и «Вакханалия» еще взяли Рембрандта чудесный портрет старушки».⁸ 15.IV.1930 г.: «Заболел внезапно в ночь Мих.Мих.Гирс. Очень жаль. А когда конец?»⁹ 4.V.1930 г.: «Была О.В.Молас. Муж ее не получает передачи. Она молодцом, работает, бодрая».¹⁰ 18.V.1930 г.: «Трудную линию и позицию занял Марр... Борьба с ним тяжела, т.к. чуть что, он сейчас вводит политический момент». 10.VII.1930 г.: «Ник.Як.Марр вошел в партию, его жена говорит, что его «уговорили» войти, неловко было отказываться. Зачем так говорить? Он сделал логический заключительный шаг. В случае смерти Карпинского теперь он президент Академии».¹¹ 21.IX.1930 г.: «Была в Эрмитаже часа три. Картина Рембрандта «Даная» снова на своем месте. Нового ничего, кроме ареста Боровки и Ернштедт».¹² 12.X.1930 г.: в Азиатском музее у Сергея всего 4 градуса, все мерзнут. Жалованье за сентябрь многие не получили, нет

¹ Звезда. 1989. № 4. С. 163.

² Архив РАН, ф.208, оп.2, д.62. л.401.

³ Там же, л.402.

⁴ Там же, л.410.

⁵ Там же, л.411.

⁶ Там же, л.419.

⁷ Там же, л.434.

⁸ Там же, л.415.

⁹ Там же, л.430.

¹⁰ Там же, л.478.

¹¹ Там же, л.497.

¹² Там же, л.511.

¹³ Там же, л.597.

¹⁴ Там же, л.638. Г.И.Боровка (1895 - после 1930) — археолог, специалист по скифскому искусству; Е.В.Ернштедт (1890-1942) — искусствовед-классик.

денег. Часть сотрудников закладывает вещи, чтоб пропитаться. Также в Эрмитаже и во многих местах не платят жалованья».¹ 18.X.1930 г.: «Я была у О.А.Халтуриной. Д.Н. снова лишен передач, прогулок».² 22.X.1930 г.: «Алексеев сказал, что вот уже больше месяца он чувствует себя постоянно голодным. А ведь это все же академик. Что же другие, как они питаются?»³ 1.XI.1930 г.: «Сегодня была довольно тяжелая картина: подвезли к берегу против Академии наук две баржи с дровами, и вот с трех часов все сотрудники Академии, исключая академиков, работали, выгружая дрова, до 6 1/2 час. вечера <...> Многие были без перчаток, руки красные. Все, конечно, полуголодные, а дома что ждет?»⁴ 15.XI.1930 г.: «Днем заходил к нам Ал.Петр.Карпинский — очень старый, но самостоятельный. Говорят, что теперь не проходит ни одного заседания Президиума, где бы Ал.Петр. не заявлял своего несогласия с постановлением Президиума и требования занести это в протокол. Сам он часто говорит: «„Я ничего не боюсь и никого не боюсь“».⁵

2.II.1931 г. чрезвычайное Общее собрание АН СССР исключило из числа действительных членов Академии С.Ф.Платонова, Е.В.Тарле, Н.П.Лихачева и М.К.Любавского, обвиненных в организации антисоветского заговора. Попытка А.П.Карпинского указать на незаконность такого исключения вызвала грубый окрик в печати⁶ и предположения о его отстранении, которые, однако, не оправдались. Весной и летом 1931 г. были вынесены приговоры по «академическому делу», по которому проходило более 100 человек, главным образом историков и вообще представителей гуманитарной интеллигенции: С.Ф.Платонов, Е.В.Тарле, Н.П.Лихачев, М.К.Любавский, С.В.Рождественский, А.И.Яковлев, Ю.В.Готье, В.И.Пичета, С.К.Богоявленский, С.В.Бахрушин, Д.Н.Егоров, В.Н.Бенешевич, А.И.Заозерский, А.И.Андреев, Б.А.Романов, А.Н.Шебунин, М.Д.Приселков, А.М. и Л.А.Мерварт, М.М.Гирс, В.А.Эберман, Д.Н.Халтурин, Б.Н.Молас и многие другие.⁷ Как уже указывалось, первоначально для этого процесса предназначались и Ольденбург, и Ферсман.

Парижская внучка С.Ф.Ольденбурга Зоя Ольденбург сообщает в своей книге, что после 1930 г. Сергей Федорович вынужден был подписать официальную бумагу, в которой отрекался от своего сына и обзывался не поддерживать с ним никаких отношений. В печати такого заявления не обнаружено, но возможно, что оно хранится в соответствующих архивах. С 1932-1933 гг. С.Ф.Ольденбург тяжело болел. Он умер 28.II.1934 г. — за два месяца до перевода Академии наук из Ленинграда в Москву и за девять месяцев до убийства Кирова. Среди соболезнований, полученных после смерти С.Ф.Ольденбурга, — телеграмма на французском языке: «De Paris. Mme Oldenbourg. Académie des Sciences. Leningrad. Sommes avec vous dans notre grand malheur. Embrassons. Attendons lettre. Serge. Ada».⁹

Собственно говоря, главная историческая роль С.Ф.Ольденбурга к 1930 г. была сыграна. Политика его и его концепция Академии потерпели крах, неизбежный при том характере государства, который окончательно сложился в СССР на рубеже 20-30-х гг. Это было и личной трагедией Ольденбурга, отдавшего Академии всю свою жизнь, и трагедией Академии, и трагедией науки в целом. Оставалось приспособливаться и спасать то, что еще можно спасти. Можно сказать, что «сотрудничество» с программой превращалось в «сотрудничество» из страха, безвыходности и самообмана. Но не следует забывать, что даже в этих условиях кое-что удавалось сделать, хотя и с неизбежной потерей своего лица (вспомним С.И.Вавилова, роль которого в жизни Академии 40-х гг. во многом была аналогична). Впрочем, разницу между двадцатыми годами и последующими не следует ни преуменьшать, ни преувеличивать.

Закончить мы хотели бы словами академика В.М. Алексеева из его письма к

¹ Архив РАН, ф.208, оп.2, д.62, л.659.

² Там же, л.665.

³ Там же, л.669.

⁴ Там же, л.679.

⁵ Там же, л.692.

⁶ См.: Контрреволюционная вылазка академика Карпинского // Ленинградская правда. 1931. 4 ноября.

⁷ См.: Ростов А. (Сигрист С.В.). Дело четырех академиков // Память. Исторический сборник. Вып.4. Париж, 1981. С.469-495; Брачев В.С. Дело акад.С.Ф.Платонова // Вопросы истории. 1989 № 5. С.117-129; Перченко Ф.Ф. Указ.соч. С.208-223; Особенно важно изд. Академическое дело 1929—1931 гг. СПб., 1993, вып.1.

⁸ Oldenbourg Z. Op. cit. P.66.

⁹ Архив РАН, ф.208, оп.5, д.16, л.51. Перевод: «Из Парижа. Мадам Ольденбург. Академия наук. Ленинград. Мы с вами в нашем великом несчастье. Обнимаем. Ждем письма. Сергей. Ада».

С.Ф.Ольденбургу, написанного 18.X.1929 г., за 10 дней до «падения» Ольденбурга, когда исполнялось 25 лет его неперменного секретарства:

«Дорогой Сергей Федорович,

L'Académie c'est moi' — вот лозунг, которым Вы никогда не злоупотребляли, как подлинный и редкостный джентльмен, равного которому я в нашей среде никогда — слышите — не видел. Я совершенно не разделяю Вашей политики последних лет и особенно этого года, осуждаю ее. Однако и в моих собственных глазах это осуждение — тывканье моськи при виде слона. Под тяжким бременем сложного, опасного, треплющего нервы и портящего жизнь дела Вы в течение четверти века строили новую (подлинно, а не политически только) Академию. И как ни горько мне видеть, что в конце вашего великого служения совершается ужасное, я помню и знаю, что есть история, которая Вас оценит в более крупном масштабе, чем утлые мы (и особенно я); я помню, что Вы мне отец; люблю Вас и жалею до глубины своей души, взволнованной при этих словах до предела.

Василий Алексеев».²

¹ Академия — это я (франц.). Парафраза известных слов Людовика XIV.

² Архив РАН, ф.208, оп.2. д.19, л.17.